

Коньшев Валерий Николаевич*, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук;

Сергунин Александр Анатольевич**, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук.

Дискуссии о войнах будущего в российском экспертно- аналитическом сообществе: мифы и реальность¹

"Революция в военном деле" и войны будущего

Облик современной войны и войн будущего не случайно привлекает внимание экспертов. В последние два десятилетия наблюдается быстрый прогресс в военном деле, который многие связывают с так называемой "революцией в военном деле" (РВД), происходящей в ведущих государствах мира.

Очевидно, что РВД уже принесла с собой целый ряд инноваций в современную военную стратегию. Произошло относительное снижение значимости ядерного оружия не только в связи с тем, что многие угрозы безопасности требуют совсем иных сил и средств, а также методов ведения боевых действий. Современное высокоточное оружие в неядерном оснащении тоже способно выполнять часть стратегических задач. Совершенствование автоматизированных систем связи, разведки, наблюдения и управления позволяет переходить к управлению боем в реальном масштабе времени, меняя характер планирования и ведения операций. Стремительно растущее применение роботизированных комплексов, космических и иных средств связи, беспилотных летательных аппаратов и подводных средств, мощных средств огневого поражения, значительно удалённых от пространства войны, позволяют отказаться от массированного сосредоточения живой силы, оружия и техники непосредственно около линии фронта. Само понятие "фронт" становится всё более условным, а цели войны могут достигаться без контакта с живой силой противника. Для победы требуется относительно меньше войск, важнейшей

* konyshev06@mail.ru.

** sergunin60@mail.ru.

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта совместно с Международным дискуссионным клубом "Валдай".

характеристикой которых становятся манёвренность, мобильность, способность быстро адаптироваться к меняющейся обстановке за счёт информационного превосходства на поле боя, опережения в цикле принятия решений, нанесения быстрых ударов в наиболее уязвимые места противника. Военные действия, которые ведут современные великие державы, приобретают всё более скоротечный характер.

Эти изменения, которые касаются далеко не всех армий мира, тем не менее, ясно показывают тенденцию развития военной стратегии, систем оружия, способов ведения войны. Однако некоторые аналитики идут гораздо дальше, утверждая, что РВД способна изменить не просто способ ведения войны, но и её природу. В связи с этим ставятся следующие вопросы: не вытесняет ли война политику, вместо того, чтобы быть её продолжением? Как соотносятся прямое насилие и ненасильственные методы в войнах будущего в связи с внедрением информатики в военное дело? Каково будет соотношение тактики и стратегий? Не исчезают ли различия между комбатантами и некомбатантами? Какие конкретно задачи политического свойства придётся решать военным в будущих войнах? Если согласиться с тем, что эти вопросы требуют радикально новых ответов, то в полный рост встаёт вопрос о создании новых, "постклаузевицианских" стратегий. Именно в этом состоит подоплёка дискуссий о войнах будущего.

Проблема соотношения РВД и военной стратегии будущего особенно актуальна для российских вооружённых сил (ВС), переживающих второе десятилетие мучительных реформ, в ходе которых стало очевидно только одно – до сих пор у реформаторов нет ясного понимания того, какую армию, для каких военных целей и задач мы хотим иметь завтра.

Следует отметить, что в современных дискуссиях о природе войны и войнах будущего участвуют не только военные специалисты, поскольку круг проблем выходит далеко за рамки чисто военных. Исследователи-политологи также проявляют большой интерес к данной проблематике. По сути дела, оба сектора экспертно-аналитического сообщества современной России (и военный, и гражданский) оказались вовлечёнными в эти дискуссии.

Специалисты выделяют два основных типа стратегического мышления в современной России. Первый – традиционный (условно называемый "консервативным"), опирающийся на учение К. фон Клаузевица. Второй – нетрадиционный ("новаторский"), который не только критикует линию Клаузевица, но и предлагает иное понимание природы войны, а вслед за этим и облика войн будущего².

"Традиционалисты" о войнах будущего

Сторонники *традиционного* направления, не отрицая влияния РВД на нынешнюю и будущую военную стратегию ведущих стран мира (включая Россию), всё же призывают не преувеличивать роль современного высокоточного, бесконтактного оружия в достижении конечного успеха. "Традиционалисты" считают, что наследие классического стратегического

² *Попов И.* Военная мысль современной России // Игорь Попов // Война будущего: интернет-сайт. 2007. URL: <http://futurewarfare.narod.ru/theoryRF.html>.

искусства не потеряло своей актуальности и обязательно должно учитываться при разработке будущей военной стратегии. Так, в одной из своих программных статей президент Академии военных наук генерал армии М. Гареев следующим образом критиковал авторов "новомодных теорий": "Расчитанные на дезинформацию и широко пропагандируемые в СМИ суждения об исключительно бесконтактном характере вооружённой борьбы обрекают войска сил общего назначения на пассивность и бездействие... В последнее время чуть ли не каждый день придумывают новое название войн: и сетевая, и сетецентрическая, асимметричная, трёхмерная, информационная, дистанционная, бесконтактная и др. И так называемая теория войн шестого поколения, обозначенная В. И. Слипченко и другими "экспертами" новой волны, не даёт ответа на вопрос о характере будущей войны. В ней наряду с некоторыми рациональными моментами много схоластики и нежизненного. Книги о войнах шестого поколения издаются и распространяются Фондом Сороса... Клаузевиц или Свечин не представляли себе, как в отрыве от прошлого или того, что делается сегодня, можно рассуждать о войнах будущего. А тут – люди, не изведавшие ни одной войны, конфликта, не побывав в своей жизни ни на одном учении, вдруг объявили себя "крупнейшими специалистами в области будущих войн"³.

Эта школа военно-стратегической мысли считает необходимым основывать будущую военную стратегию на опыте предшественников. Вместе с тем её сторонники призывают активно внедрять результаты военно-технической революции в практику ВС России с целью радикального перевооружения последних в соответствии с требованиями войн будущего⁴.

Взгляды этого направления российской военной мысли получили отражение в официальных военных доктринах Российской Федерации 1993, 2000 и 2010 гг.

Среди *нетрадиционных* ("новаторских") школ военно-стратегической мысли можно условно выделить четыре основных направления – "мятеж-война", дистанционно-бесконтактная война, кибервойна и концентриальная война.

Концепция "мятеж-войны"

Некоторые российские эксперты считают, что в будущем основным средством ведения войны будут не классические военные действия и военные операции, а стратегия не прямых действий ("мятеж-война"), среди которых ведущее место займут терроризм, использование незаконных

³ Гареев М. Отстаивая национальные интересы. Обеспечение безопасности России требует более рационального использования невоенных и военных средств : [начало] / Махмут Гареев // Военно-промышленный курьер. 2005. 21–27 декабря. № 48. С. 11. URL: http://vpk-news.ru/sites/default/files/pdf/issue_115.pdf.

⁴ Кокошин А. А., Веселое В. А., Лисс А. В. Сдерживание во втором ядерном веке / А. А. Кокошин, В. А. Веселое, А. В. Лисс ; РАН, Ин-т проблем международной безопасности. М., 2001. 69 с.; Кокошин А. А. Армия и политика / А. А. Кокошин. М. : Международные отношения, 1995. 288 с.; *Его же*. Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М. : РОССПЭН, 2003. 528 с.

военных формирований, информационно-психологических средств воздействия и пр. Особенно популярна эта теория среди националистически настроенных идеологов, которые считают, что в нынешних условиях (и в обозримом будущем) стратегия "мятеж-войны" будет направлена, прежде всего, против России, которая, по их мнению, является основным препятствием для распространения в мире западных либеральных ценностей. Так, один из ведущих сторонников школы "мятеж-войны" С. В. Анчуков следующим образом характеризует особенности этой стратегии: "Стратегия "мятеж-войны" – это действительно отклонение от догм классического военного искусства. Это стратегия не прямых действий, в которой выигрывает не тот, кто одержал победу в горячей войне ценой невероятных потерь, а тот, кто обеспечил ПОБЕДУ до начала военных действий в незримом сражении за душу народа"⁵.

По его мнению, наряду с прямой интервенцией, экспортом революций и мятежей "за современным миротворчеством, гуманитарными, антитеррористическими и иными "специальными операциями", за экономическими санкциями и наступлением криминалитета, за взрывами в мирных городах и политическими убийствами просматривается лик глобальной информационной войны".

С. В. Анчуков считает, что иерархия задач в "мятеж-войне" против России выглядит следующим образом:

- деморализация русского народа, в том числе путём тотального подавления его национального самосознания;
- идейный разгром национально мыслящей, активной части населения;
- экономический захват и контроль ключевых объектов, имеющих для русских жизненно важное значение;
- развал сложившихся союзов прорусской (пророссийской) направленности;
- прямое уничтожение материальных объектов на обширной территории России, имеющих для русских значение системы обеспечения национальной безопасности и обороны⁶.

В то же время сторонники концепции "мятеж-войны" (как и представители традиционного направления стратегической мысли) не верят, что военно-технологическое превосходство одной из сторон само по себе является достаточным условием для победы в войне. Так, по их мнению, горстка хакеров за сравнительно небольшие деньги могут вывести из строя информационные системы и средства связи даже крупной военной державы и тем самым лишить её былых преимуществ в информационно-психологической войне. Парадокс заключается в том, что технологические преимущества, точнее зависимость той или иной армии от информационных технологий, могут превращаться в источник уязвимости этой державы. С. В. Анчуков и А. И. Суслов подчёркивают, что именно недочёты и несогласованность применявшихся систем связи являются причиной 25 %

⁵ Анчуков С. В. Тайны мятеж-войны: Россия на рубеже столетий / Анчуков Сергей Валентинович / Pseudology.org : интернет-сайт. URL: <http://www.pseudology.org/Anchukov/index.htm>.

⁶ Там же.

смертей солдат союзников во второй иракской войне, а также 75 % потерь самолётов, подбитых иракцами⁷. К тому же, если перед победившей в войне армией ставится задача удержать контроль за территорией поверженного противника, то она, по сути дела, возвращается к войнам предшествующих поколений и рискует получить асимметричный ответ в виде партизанской войны и терроризма (т.е. той же "мятеж-войны").

Оценивая в целом "инновационный потенциал" концепции "мятеж-войны", отметим, что в ней верно подмечена современная тенденция к стратегии непрямых действий, сочетанию действий регулярных и иррегулярных вооружённых сил⁸. Однако представляется маловероятным, чтобы "мятеж-война" полностью заменила традиционные войны или, по крайней мере, отодвинула их на задний план. Она, скорее всего, характерна для войн и конфликтов внутреннего характера, а также может служить дополнительным фактором в межгосударственных войнах (конфликтах), как это было в Югославии, Афганистане и Ираке.

Теория дистанционной (бесконтактной) войны

Вторая школа, которую часто называют *теорией дистанционной*, или *бесконтактной войны*, напротив, считает, что войны будущего – это войны передовых военных технологий.

Ведущий теоретик этого направления, В. И. Слипченко, считал, что войны, которые ведутся в последнее время, и прежде всего Соединёнными Штатами, коренным образом отличаются от войн прошлых лет. Это бесконтактные войны, в которых задействовано большое количество высокоточного оружия. Его высокие боевые свойства, продемонстрированные в войнах на Балканах, в Ираке и Афганистане, предопределили начало нового витка гонки ударных и оборонительных высокоточных систем оружия. Сторонникам этой школы ясно, что интенсивное наращивание высокоточного оружия ведущими военными державами и его распространение по планете будут нести в себе и мощный потенциал дестабилизации стратегической обстановки в мире. Именно поэтому, считают сторонники этого направления военной мысли, необходимо изучать дистанционные войны, принципы их ведения, а также реформировать ВС в соответствии с новыми требованиями⁹.

⁷ Анчуков С. В., Суслов А. И. Война и военная стратегия: реквием современности (постмодернистский взгляд и посильные размышления о будущем) // С. В. Анчуков, А. И. Суслов // Самиздат : интернет-сайт. 2003. 9 марта. URL: http://zhurnal.lib.ru/a/anchukow_s_w/woinast.shtml.

⁸ Об этом говорится и в новейших военных доктринах, и стратегиях национальной безопасности США (см.: Коньшев В. Н., Сергунин А. А. О новой военной доктрине Б. Обамы // Коньшев В. Н., Сергунин А. А. // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 3. С. 98–113; *Их же*. Стратегия национальной безопасности Б. Обамы: состоялось ли радикальное обновление? // Обозреватель-Observer. 2010. № 12. С. 87–95).

⁹ Слипченко В. К какой войне должны готовиться вооружённые силы // Владимир Слипченко // Отечественные записки. 2002. № 8. URL: <http://www.strana-oz.ru/2002/8/k-kakoy-voyne-dolzhny-gotovitsya-vooruzhennyye-sily>.

В. И. Слипченко называл бесконтактные войны "войнами шестого поколения" (появление ядерного оружия стало базой для войн пятого поколения)¹⁰. По его мнению, принятая в 1998 г. Объединённым комитетом начальников штабов ВС США "Единая перспектива 2010" как раз и представляла собой чёткую стратегическую концепцию ведения войны нового поколения¹¹. В. И. Слипченко полагал, что уже сейчас идёт расхождение между государствами по степени готовности к войнам шестого поколения. Дело в том, что разработка и производство высокоточного оружия будут под силу только наиболее развитым в научно-техническом, экономическом и военном отношении государствам. Страны, отставшие в разработке и принятии на вооружение высокоточного оружия, будут вынуждены продолжать делать ставку на имеющееся у них ядерное оружие или другие виды оружия массового поражения. По мнению сторонников данной школы, Россия до сих пор шла именно этим путём, что и было зафиксировано в её военных доктринах постсоветского периода, определявших роль стратегических ядерных сил как основную в деле обеспечения военной безопасности РФ¹².

Согласно данному направлению военно-стратегической мысли ядерное оружие в обозримый период будет оставаться в арсеналах ряда стран (как официальных, так и неофициальных членов "ядерного клуба"), поэтому и способность отразить ядерный удар должна у них сохраняться. Но боевой потенциал ВС современного государства должен представлять собой совокупность систем высокоточных ударных и оборонительных вооружений, способных и без ставки на использование ядерного оружия и обычных сил (в массовом порядке) выполнять стоящие перед ними задачи.

Если потенциальный противник оказался не готов к дистанционной войне, а основную ставку сделал на ядерное оружие, сухопутные войска и противовоздушную оборону на базе активной радиолокации, то нападающему нет особой необходимости разгромить подобные ВС, поскольку они, за исключением средств ответного удара, не будут представлять особой угрозы для нападающего, который может находиться на большом удалении от театра военных действий. Теоретики бесконтактной войны считают, что в условиях разрушенной экономики ВС противника обречены сначала на потерю боеспособности, а затем и на полный развал. Ошибочно надеяться, считают они, что в ходе такой войны обороняющийся

¹⁰ Слипченко В. И. Войны шестого поколения / В. И. Слипченко. М.: Вече, 2002; Алексин В. В третьем тысячелетии мир ожидают совсем другие войны : [интервью с вице-президентом Акад. воен. наук В. Слипченко] / Валерий Алексин // Независимое военное обозрение. 2000. 3 марта. № 8 (181). URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2000-03-03/4_newwars.html.

¹¹ Подробнее о военных доктринах США 90-х – начала прошлого десятилетия см.: Рыхтик М. И. Концептуальное осмысление национальной безопасности США: республиканский подход и его воздействие на процесс государственной внешнеполитической стратегии (исторические аспекты проблемы) / М. И. Рыхтик // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, политология, регионоведение. Нижний Новгород, 2003. Вып. 1. С. 73–85; Коньшев В. Н. Военная стратегия США после окончания холодной войны / В. Н. Коньшев. СПб. : Наука, 2009. 180 с.

¹² См.: Слипченко В. И. Войны шестого поколения; Алексин В. Указ соч.

сможет воспользоваться ядерным оружием. Военно-политическое руководство страны, подвергшейся дистанционно-бесконтактной агрессии, вряд ли решится применить имеющееся у него ядерное оружие, так как оно, скорее всего, есть и у агрессора (если, конечно, у руля государства не стоят самоубийцы и законченные фанатики)¹³.

Сторонники дистанционной войны уверены, что внедрение новых военных технологий приведёт к существенным структурным изменениям в ВС ведущих стран мира. По их прогнозам, уже примерно через 10 лет они должны будут состоять не из видов и родов войск, действующих по сферам – суша, море, воздух, а из разведывательно-ударных и оборонительных боевых систем и будут включать:

- разведывательные средства стратегического предупреждения о начале подготовки противника к нападению, о его готовности нанести высокоточный удар в ближайшее время (месяцы, недели, сутки, часы, минуты) и с большого расстояния, а также о начале воздушно-космическо-морской ударной операции с применением разнообразных видов оружия и сил;

- стратегические высокоточные неядерные силы, средства различного базирования и их носители;

- автоматическую систему управления всеми силами и средствами стратегического неядерного сдерживания и ведения войны;

- средства воздушно-космической обороны (противокрылаторакетной, противоракетной, противокосмической);

- силы и средства технического обеспечения.

Согласно концепции дистанционной войны в современных условиях кардинально меняется понятие "победа". Её сторонники верят, что достаточно с помощью стратегических ударных (неядерных) сил бесконтактным способом разгромить экономический потенциал противника, вывести из строя системы энергоснабжения, коммуникации, и политическая система противника, скорее всего, развалится сама по себе. Как уже отмечалось, сторонники этой теории считают, что в результате нанесения издалека внезапных массированных высокоточных огневых ударов по органам и средствам государственного и военного управления противника будет полностью нарушено управление его войсками.

То есть можно решать вопрос о смене неудобного правящего режима и без наземных операций. Так, в результате бомбардировок Югославии в 1999 г. вся её военная и особенно экономическая инфраструктуры оказались разрушенными. Материальный ущерб составил около 100 млрд. дол., был поставлен вопрос о смене политического режима в этой стране¹⁴.

Школа бесконтактной войны указывает на вероятные изменения самой природы боевых действий. Раньше главные объекты и цели, предназначенные для их поражения, находились на поле боя, в тактической зоне. В бесконтактных же войнах будущего такими целями станут тактико-оперативно-стратегические. Для их поражения, подчёркивают

¹³ Здесь и далее по: *Слитченко В. И.* К какой войне должны готовиться вооружённые силы; *Его же.* Войны шестого поколения; *Его же.* Война будущего / Мос. обществен. науч. фонд ; Издат. центр науч. и учеб. программ. М., 1999. (Научные доклады ; выпуск 88); *Его же.* Бесконтактные войны. М.: Гран-Пресс, 2001.

¹⁴ *Алексин В.* Указ. соч.

сторонники этой теории, потребуется большое количество высокоточных и беспилотных средств различной дальности действия и средств их доставки (наземного, воздушного, морского и космического базирования). Речь идёт не о массированном и "неизбирательном" применении всех видов оружия, а о "хирургически точных бесконтактных операциях" с разных стратегических направлений по уничтожению важнейших объектов экономики и военной инфраструктуры противника. Это создаст исключительно сложную воздушно-космическую обстановку в зоне ответственности ПВО обороняющейся стороны и сделает эту оборону малоэффективной.

По мнению аналитиков данного направления, принципиально новым в военном искусстве бесконтактных войн может стать постепенное смещение функций стратегического ядерного сдерживания к стратегическому неядерному сдерживанию. В отличие от войн прошлого, высокоточное оружие будет не только угрожать нанесением неотвратимого и неприемлемого ущерба, но также осуществлять упреждающий удар. Его сдерживающий эффект будет несравнимо более высоким, чем эффект от угрозы применения ядерного оружия, как это повелось со времён "холодной войны". Теоретики дистанционной войны верят в то, что высокоточное оружие непременно возьмёт на себя основные функции сдерживания любого противника в любом регионе планеты. По их мнению, стратегия сдерживания в ближайшей перспективе будет носить комбинированный характер. Сильные в военном и передовые в военно-техническом отношении государства будут сдерживать агрессию с помощью высокоточного оружия, хотя будут иметь в своём арсенале и ядерное оружие. Слабые же и отсталые государства по-прежнему будут делать ставку на ядерные и другие виды оружия массового поражения.

В бесконтактных войнах будущего, отмечают сторонники этой концепции, изменятся многие привычные представления не только о стратегии, но также и об оперативном искусстве и тактике. По их мнению, в ходе войны не будет явно выделенного направления главного удара, так как удары будут наноситься одновременно со всех направлений театра военных действий. Войны прошлых поколений велись исключительно контактными способом и преимущественно на суше (ширина, глубина наступления и обороны), а вертикальное (воздушное) измерение использовалось лишь как вспомогательное, обеспечивающее действия наземных войск. В бесконтактных же войнах всё происходит иначе, так как войны как бы отрываются от земной поверхности и становятся объёмными, трёхмерными. Главным театром военных действий станет воздушно-космическое пространство, где и будут сосредоточены основные действия противников.

Характерно, что в бесконтактных войнах суверенитет государства, подвергнувшегося нападению, может быть нарушен в военно-космическом пространстве и без пересечения его сухопутных границ войсками. Поскольку массированные удары будут одновременно наноситься по объектам на всей территории страны, подвергнувшейся нападению, такие термины контактного противоборства, как "фронт", "тыл", "передний край", потеряют свой традиционный смысл. Теоретики бесконтактной войны считают, что в войнах будущего постепенно утратят смысл и значение такие

фундаментальные понятия современной военной стратегии, как стратегическое развёртывание (отмобилизование, оперативное развёртывание, перегруппировка войск, резервов), стратегическое наступление или стратегическая оборона группы фронтов на континентальных театрах военных действий. Следовательно, трудно будет выявить различие между стратегией и оперативным искусством (тезис, который вызывает особые неприятие и возражения "традиционалистов").

Таким образом, согласно теории бесконтактных войн, они будут отличаться от войн прошлых поколений принципиально новым содержанием:

- главными будут одновременные действия разведывательно-ударных боевых систем; средства поражения не будут находиться в непосредственной близости от противника;

- значительно уменьшится роль ядерного оружия в достижении стратегических и политических целей войны, оно сохранится на вооружении ряда стран, но его невозможно будет применить на практике;

- в связи с бесконтактным характером войн перестанут быть необходимыми крупные группировки сухопутных войск и оружие поля боя;

- согласование усилий видов вооружённых сил и родов войск будет осуществляться по двум взаимосвязанным направлениям: действиям стратегических безъядерных ударных и стратегических оборонительных сил и средств;

- из трёх известных элементов боя и сражения прошлых поколений контактных войн – огонь, удар и манёвр – сохранится лишь удар высокоточных сил и средств с дистанции за пределами досягаемости средств поражения обороняющейся стороны.

На основании вышесказанного сторонники теории дистанционной войны делают весьма смелый категоричный вывод. В бесконтактных войнах, которые, по их прогнозам, должны были появиться после 2010–2015 гг., победа может быть достигнута нападающим не только без оккупации, но и вообще без контакта с противником – лишь в результате проведения длительной стратегической воздушно-космическо-морской ударной операции и выигрыша в информационном противоборстве.

В связи с изменением характера войн будущего сторонники указанной теории призывают решительно изменить систему подготовки военных кадров для ведения бесконтактных войн. По их мнению, в военных институтах надо изучать высокоточное ударное и оборонительное оружие, его воздушные и морские носители, способы применения. В военных университетах и военных академиях следует учить работать с разведывательно-ударными боевыми системами. В военных академиях национальной обороны (Генерального штаба) изучать воздушно-космическо-морские ударные операции, виды обеспечения операций и управление вооружёнными силами в целом.

Признавая несомненную теоретико-методологическую ценность теории бесконтактной войны (особенно в плане влияния РВД на характер войн будущего и, соответственно, военную стратегию ведущих государств мира), всё же следует сделать ряд серьёзных критических замечаний в её адрес.

Во-первых, далеко не всегда даже массированное и длительное применение мощного высокоточного оружия способно полностью сломить волю противника к сопротивлению и привести к победе. Так, ракетно-авиационные удары по Югославии в 1999 г. хотя и разрушили значительную часть военно-экономической инфраструктуры этой страны, но не уничтожили полностью её военный потенциал и способность к сопротивлению. Военное руководство НАТО очень боялось перехода к фазе наземных военных действий, так как, учитывая особенности природного ландшафта театра боевых действий (горные и лесные массивы), а также относительно высокий боевой дух югославской армии, наземное вторжение неизбежно привело бы к большим потерям в войсках НАТО.

Во-вторых, успешность высокоточных ударов вовсе не означает, что фазы "контакта" не будет. Яркий пример неэффективности стратегии бесконтактной войны демонстрируют военные действия в Афганистане. Социально-политическая и экономическая структуры этой страны были разрушены за четверть века до нанесения по режиму талибов ударов с применением того самого высокоточного бесконтактного оружия. Государство и общественные институты Афганистана распались как таковые. Однако ни это бедственное положение, ни иностранная интервенция, начавшаяся осенью 2001 г., не заставили капитулировать ни талибов, которые даже восстановили свой контроль над рядом районов страны, утраченный было в начале союзной операции в 2001 г., ни Аль-Каиду, которая по-прежнему имеет базы в этой стране. Афганистан, как и прежде, представляет собой угрозу безопасности сопредельных регионов мира в целом, ибо он является одним из основных мировых производителей и поставщиков героина, а также местом подготовки террористических кадров.

Теория бесконтактной войны не объясняет, почему в случаях с Афганистаном, Ираком и Ливией, даже несмотря на активное использование высокоточного оружия и информационных технологий, всё же потребовались наземные операции, а в первых двух случаях – ещё и территориальная оккупация этих стран. В частности, в Афганистане уже в начале войны силы так называемого Северного альянса организовали полномасштабные наземные операции для освобождения большей части территории страны (включая её столицу Кабул). Сами США и их партнёры по союзной коалиции были вынуждены организовывать "точечные" наземные операции силами спецназа для ликвидации ключевых структур Талибана и Аль-Каиды. В Ираке также после стадии бесконтактной войны США и их союзники были вынуждены перейти к классическим наземным операциям, а затем и вовсе завязли в "болоте" антипартизанской войны. В Ливии свержение режима М. Каддафи также было обеспечено не только и не столько нанесением высокоточных ударов сил НАТО, сколько наземными операциями вооружённых отрядов оппозиции и спецназа коалиционных натовских сил. По похожему сценарию развивается сейчас ситуация и в Сирии.

Более того, вопреки идее бесконтактной войны, последовавшая после бесконтактной фазы боевых действий оккупация Афганистана и Ирака оказалась не слишком эффективной. Выводы, к которым пришли американские военные на основании опыта этих двух войн, состояли в том, что

военная фаза операций не была увязана с задачами последующего политического урегулирования, т.е. с политическими целями войны. Другими словами, без "контакта" всё же обойтись не удалось. В этом плане концепция бесконтактной войны не может быть признана самодостаточной. Скорее это одна из фаз оперативных действий, которая сама по себе никак не отрицает необходимости боевого соприкосновения с противником.

Ещё одно сомнение в отношении дистанционной войны возникает в связи с возможностью её ведения со всеми типами государств. Если она возможна в отношении неядерных стран, то представляются маловероятными военные действия подобного характера в отношении ядерных держав. Как признают сами сторонники бесконтактной войны, даже после нанесения превентивного удара стратегическими неядерными средствами жертва агрессии вполне может сохранить ядерный потенциал ответного удара. А это служит эффективным средством сдерживания потенциального агрессора.

Наконец, скепсис в отношении теории дистанционной войны может быть объяснён ещё и тем, что прогнозы авторов этой доктрины, что эра бесконтактных войн наступит совсем скоро (после 2010–2015 гг.), так и не оправдались. Эта теория создавалась в конце 90-х гг. прошлого века – начале века нынешнего, когда в США и некоторых странах НАТО наблюдалась эйфория в отношении возможностей высокоточного оружия, а провал операций в Афганистане и Ираке ещё не стал очевидным. Зато в нынешних условиях становится понятно, что сторонники теории дистанционной войны явно поспешили похоронить контактные войны и переоценили возможности бесконтактных методов ведения военных действий, в том числе их значимость для достижения конечной победы.

Теория кибервойны

С последствиями влияния РВД на военное дело связывают и *теорию кибервойны*, впервые предложенную американскими экспертами, но популярную и в России. Её сторонники говорят об изменении природы современной войны. Среди новых признаков называют переход от противоборства на реальном поле боя к борьбе информационных технологий, происходящей в сфере виртуальной. Роль информации в организации и ведении боевых действий действительно возросла настолько, что военная стратегия США, например, причисляет средства информационной борьбы к неядерным стратегическим силам¹⁵. Информационные технологии внедряются в управление боем вплоть до низового командного звена и отдельного солдата. Информационные операции могут включать в себя приведение в неработоспособное состояние гражданских и военных систем управления и связи, средств радиоэлектронной борьбы, компьютерных сетей.

¹⁵ См. подробнее: *Коньшев В. Н.* Военная стратегия США после окончания холодной войны. С. 143–145. О возможности кибервойн говорится и в недавних доктринальных документах США в сфере национальной безопасности (см.: *Коньшев В. Н., Сергушин А. А.* О новой военной доктрине Б. Обамы; *Их же.* Стратегия национальной безопасности Б. Обамы: состоялось ли радикальное обновление?).

Важное направление информационного противоборства в будущих войнах связано с компьютерными вирусами. Стратегическое значение вирусов видится многим экспертам в том, что они выступают как безликие инструменты, не связанные непосредственно с тем, кто их использует. Вирусы могут быть замаскированы под компьютерное хулиганство, под средство защиты программного обеспечения какой-либо фирмы. Они могут содержаться в микропроцессорах (внутри управляющих их работой микропрограмм), которые затем используются для создания приборов. Вирусы могут быть активированы по внешней команде или в определённых условиях после длительного периода бездействия, что не позволяет их обнаруживать заранее. По одной из версий, в 2009 г. центрифуги для обогащения Ираном ядерных материалов были выведены из строя с помощью вируса Stuxnet, который был внедрён в управляющие модули и резко менял скорость вращения двигателей. Вирус разрабатывался учёными США и Израиля для блокирования ядерных программ Ирана¹⁶.

Скрытые нападения такого рода не имеют чёткой границы с преступными действиями и оказываются очень эффективными с военной точки зрения, так как могут начинаться в мирное время. Вирусы способны обеспечить фактор внезапности начала военных действий. Они могут создать хаос в военных и гражданских информационных системах противника.

Эта тенденция к повышению роли информатики в военном деле дала основание сторонникам теории кибервойны утверждать, что средства информационного противоборства в перспективе станут самой важной составляющей в структуре вооружённых сил. Тогда информационное превосходство над противником превратится из вспомогательного инструмента в главное оружие войны¹⁷. Уже первая иракская война показала, насколько слабее оказалась иракская армия именно из-за отсутствия современных средств разведки, наблюдения и связи.

Эффективность боевых действий в будущих войнах решающим образом будет зависеть от способности парализовать оборудование связи и компьютеры противника с помощью ИТ-технологий. Тогда информационное оружие будет способно вытеснить традиционное использование физической силы. Такие кибервойны будут вестись с помощью средств удалённого контроля, вплоть до другого континента. Физическое насилие перестанет быть необходимым компонентом войны, сводя к минимуму потери в живой силе, а территория противника утратит традиционное военное значение. Военные действия сведутся к борьбе за контроль над передачей информации в управляющих системах различного назначения.

Рассуждая о перспективах информационного противоборства, необходимо учитывать, что международно-правовое регулирование этой сферы развито слабо и даёт значительную свободу действий. Информационная атака не трактуется в качестве "акта агрессии" или "вооружённого нападения",

¹⁶ Вирус, поразивший урановые центрифуги Ирана, настиг Германию // БалтInfo: Балтийское информ. агентство : интернет-сайт. 2011. 17 апреля. URL: <http://www.baltinfo.ru/2011/04/17/Virus-porazivshii-uranovye-tcentrifugi-Irana-nastig-Germaniyu-199468>.

¹⁷ *McInnes C.* Spectator-sport war: the West and contemporary conflict / Colin McInnes. Boulder : Lynne Rienner Publ., 2002. P. 129.

а потому использование методов кибервойны не ведёт к значительным правовым последствиям. Такое положение дел вполне устраивает США, которые занимают лидирующие позиции в развитии и внедрении информационных технологий. Они могут не только прямо получать преимущество на поле боя, но также извлекать дополнительные выгоды. Например, американские эксперты предлагают явочным порядком вводить выгодные для США международные нормы, касающиеся информационной борьбы, и влиять на формулирование международных соглашений, выступая при необходимости их гарантом¹⁸.

Думается, что полная подмена реального поля боя виртуальными аналогами сама по себе некорректна и конкретная перспектива выглядит гораздо сложнее. В частности, повышение зависимости современных ВС от ИТ-технологий порождает уязвимость собственных информационных систем от атак противника, причём не только кибернетических, но и физических (здесь уместно вспомнить, какую тревогу вызвало у США испытание противоспутникового оружия Китаем). Наконец, достаточно трудно предвидеть последствия военных действий, опирающихся на киберсредства в том случае, если противник, не обладающий сравнимыми технологиями ведения боя, выберет стратегию асимметричного ответа.

Теория консциентальной войны

Ещё одним направлением нетрадиционной военной мысли является *теория консциентальной войны* (от латинского *conscientia* – "сознание", "совесть"). "Соответственно, консциентальная война – война на поражение сознания"¹⁹.

Сторонники этой теории, в отличие от Клаузевица, считавшего войну продолжением политики иными средствами, ведут речь о тенденции к стиранию различия между войной и политикой. Для них война – это "способ разрешения общественных противоречий путём уничтожения, геноцида или дезориентации противника с целью захвата или перераспределения его ресурсов"²⁰.

Более развёрнутое определение этого понятия гласит: "Под консциентальной войной автор понимает войну психологическую по форме, цивилизационную по содержанию и информационную по средствам, в которой объектом разрушения и преобразования являются ценностные установки народонаселения противника, в результате чего первичные цели заменяются вторичными, третичными и более низкими, приземного уровня, с несколько увеличивающейся вероятностью их достижения, причём эта

¹⁸ Greenberg L. T., Goodman S. E., Soo Hoo K. J. Information warfare and international law / Seymour E. Goodman, Kevin J. Soo Hoo, Lawrence T. Greenberg ; Inst. for National Strategic Studies. Washington : National Defense Univ. Press, 1998. P. 93–95.

¹⁹ Крупнов Ю. Как Россия сможет предотвратить пятую мировую войну // Юрий Крупнов : интернет-сайт. 2005. 9 февраля. URL: <http://www.kroupnov.ru/pubs/2005/02/09/10403/>.

²⁰ Потехин В. К. Современные войны и национальная безопасность России / В. К. Потехин // Кому будет принадлежать консциентальное оружие в XXI веке? : спец. вып. альманаха "Россия-2010" / под ред. Ю. В. Крупнова. М., 1997. С. 69–87. URL: http://svitk.ru/004_book_book/17b/3777_potehin-sovremennie_voyni.php.

вероятность за счёт экономических и других материальных рычагов воздействия варьируется таким образом, что достижение заменяющих целей воспринимается человеком как его благо²¹. Из такого определения нельзя понять, где кончается политика и начинается война.

Учитывая непосредственную связь ценностных и целеполагающих установок человека с культурой его народа, консциенталисты считают, что объектом разрушения в консциентальной войне является культура противника, т.е. ставится вопрос о разрушении цивилизации. Сходной точки зрения придерживается и Ю. Крупнов, который считает, что в основе поражения в консциентальной войне лежит уничтожение человеческой способности к свободной идентификации, т.е. установок в отношении того, кем человек стремится быть и в рамках какой культурно-исторической традиции. Наличие подобной способности делает жизнь человека принципиально открытой и в то же время очень жёстко задающей единство самосознания через рефлексию собственного призвания и самых дорогих человеческих связей. После уничтожения такой способности человеку может быть навязана извне любая идентификация, которая по каким-то причинам необходима противнику. Идентификация строится на основании воображения – деятельности по порождению образов и сущностных символов. Именно символические ряды и само воображение подвергаются замещению или слому в первую очередь²².

Средства ведения войны зависят от уровня развития общества и его военно-технической базы, а также от характера задач, стоящих перед государствами в ходе конфликта. Однако в последних крупных войнах всё ярче проявляются методы консциентальной войны.

Согласно консциенталистам третья мировая война уже произошла – это "холодная война", длившаяся с конца 40-х до начала 70-х гг. прошлого века (Заключительный акт Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. завершил этот этап). Её основными инструментами были идеологическая борьба и элементы психологической войны.

В начале 80-х гг., по мнению консциенталистов, началась "четвёртая мировая война", основным оружием в которой стали потоки информации (и дезинформации), внедряемой в массовое сознание через СМИ. Прямое уничтожение противника в этой войне было заменено его дезориентацией, в дальнейшем способной привести к культурному и экономическому геноциду.

Консциенталисты считают, что СССР проиграл третью и четвёртую мировые войны. Особенно катастрофичными для России были результаты четвёртой мировой войны:

- огромные территории, присоединённые к России столетия назад, перестали ей принадлежать;
- природные ресурсы были серьёзным образом перераспределены;
- вдвое уменьшились людские ресурсы;
- Русь как историческое ядро российской государственности была искусственно расчленена на три "суверенные" обломка и три искусственные нации;

²¹ Потехин В. Указ. соч.

²² Крупнов Ю. Указ. соч.

– как субъект геополитики Россия была вытеснена с мирового уровня на региональный²³.

Адепты концентриализма считают, что мир вступает в период "пятой мировой войны". Теперь уже Россия стала первоочередным объектом концентриальной войны со стороны Запада. Для создания системы сопротивления этому типу войны Россия должна осознать сам факт ведения такой войны против неё и разработать комплекс мер по восстановлению социально-экономического и духовного потенциала страны.

В плане критики концентриалистской теории отметим, что, во-первых, она разделяет множество сходных черт с многочисленными теориями заговора, которые весьма примитивно трактуют суть происходящих в мире (а в данном случае – в России) процессов. Во-вторых, этой теории присуще весьма своеобразное представление о войне, которое имеет мало общего собственно с военной сферой. Скорее речь идёт о культурно-информационных аспектах национальной безопасности, которые вовсе не исчерпывают всего спектра внутренних и внешних угроз безопасности той или иной страны.

* *
*

Совершенно очевидно, что меняются способы применения вооружённых сил вместе с техническим прогрессом и особенностями международно-политического развития. Оценивая нетрадиционные теории военной стратегии, следует отметить, что, несмотря на ряд оригинальных идей, авторы-"новаторы" пока не смогли предложить комплексного и непротиворечивого видения характера войн будущего. На деле "новые" теории нередко просто преувеличивают тот или иной аспект современного опыта боевых действий и последствий РВД для военного дела. На практике же "новации" находят отражение лишь в концепциях оперативно-тактического уровня.

Говорить о появлении принципиально новых стратегий войны пока преждевременно: дискуссии на эти темы в экспертно-аналитическом сообществе России и других государств по-прежнему далеки от завершения.

Ключевые слова: *войны будущего – "мятеж-война" – дистанционная (бесконтактная) война – кибервойна – концентриальная война.*

Keywords: *future wars – "riot war" – distant (non-contact) war – cyber-wars – considential war.*

²³ Крутнов Ю. Указ. соч.